

А.В. Махлаюк

ДУХИ ПРЕДКОВ, ДОБЛЕСТЬ И ДИСЦИПЛИНА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИЧНОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье анализируются новые подходы и тенденции в изучении военной истории Древней Греции и Рима на примере двух новейших исследований, принадлежащих перу американских авторов Дж. Лендона и С. Фэнг и посвященных той роли, которую в военной организации античных обществ играли специфические моральные ценности, историческая память и культурные традиции. Обе рассмотренные работы хотя и далеки от абсолютной убедительности в своих концептуальных построениях и в ряде конкретных выводов, тем не менее проливают новый свет на, казалось бы, хорошо изученные вопросы и демонстрируют плодотворность приложения к античной военной истории теории и подходов, разрабатываемых в социальных науках и в изучении более поздних исторических периодов.

Ключевые слова: военная история, древнегреческая и римская военная организация, культурная история, современная историография.

Говоря о наиболее емких понятиях, характеризующих представления римлян о самих себе и определяющих то, что принято сейчас называть римской идентичностью, невозможно обойти вниманием такие категории, как *mos maiorum*, *virtus* и *disciplina*, которые не только имели в древнем Риме первостепенное аксиологическое и идеологическое значение, являясь важнейшими компонентами «римского мифа», но во многих случаях на деле диктовали римлянам конкретные модели поведения в различных сферах их общественной и политической жизни. Эти категории уже достаточно давно и плодотворно исследуются антиковедами в различных своих аспектах¹. Не является исключением в этом отношении и собственно военная история Древнего Рима, в изучении которой в минувшие два десятилетия со всей определенностью обозначились и закрепились в качестве ведущих историко-антропологическое (или культурно-историческое) и социально-историческое направления. Именно в их рамках применяются и развиваются новые методологические подходы, разрабатывается принципиально новая проблематика, включающая такие вопросы, как своеобразие ментально-психологических и социокультурных характеристик воина, специфика социальных связей внутри воинского сообщества, реалии повседневного быта и взаимоотношений

* Отдельные положения данной работы излагались нами в докладах на XVI Сергеевских чтениях (МГУ, январь 2009 г.) и на XXXIII Всероссийской научной конференции «Добролюбские чтения. Личность и общество» (Нижегородский государственный лингвистический университет, февраль 2009 г.).

¹ О *mos maiorum* см. *Moribus antiquis* 2000; *Mos maiorum* 2000; Zecchini 2001. Из многочисленных работ о римской *virtus* можно указать: Calderini 1936; Dahlmann 1970; Earl 1967; Eisenhut 1973; Sarsila 1982; 2006; McDonnell 2003, 235–262; 2006. О римской дисциплине: Sulser 1923; Mauch 1941; Neumann 1965; Horsmann 1991; Махлаюк 1998.

армии с гражданским обществом, военно-политические компоненты официальной идеологии и пропаганды, социально-психологические и идеологические аспекты взаимоотношений армии и полководцев, военная культура и воинская этика, религиозно-культовые практики как основа воинских добродетелей и армейской корпоративности².

При всем конкретно-тематическом разнообразии работ, выполненных в русле названных направлений, в них присутствует некий общий лейтмотив и, если угодно, единый исследовательский пафос, обусловленный самой постановкой ключевых вопросов, а именно: каким образом военная сфера была связана и взаимодействовала с культурной средой, социальными практиками и традициями данного общества? какими мотивами руководствовались люди, служившие в армии и участвовавшие в сражениях? каким было воздействие войн и военного дела на общество и культуру? как, в свою очередь, ментальные и идеологические установки социума влияли на характер военной организации в целом и конкретные способы ведения военных действий? Все чаще в работах используется и такое понятие, как «военная культура», которое трактуется в широком антропологическом смысле. Иначе говоря, во главу угла ставится социокультурная подоплека военной сферы, имплицитные факторы и механизмы социального воспроизводства, связанные, в конечном счете, со своеобразием античной цивилизации в целом. Понятно, что эта цивилизация столь же отлична от западноевропейской средневековой, японской или исламской цивилизаций (не говоря уже о современных обществах), как греческий гопплит или римский легионер отличны от средневекового рыцаря, японского самурая или воина Аллаха. И если говорить конкретно о военном деле, то, быть может, наиболее важные отличия лежат не в сфере военных технологий и тактического искусства, но прежде всего в социальных институтах и традициях, в культуре и идеологии того или иного общества. Но этот тезис представляет собой, так сказать, рабочую гипотезу, которая требует тщательной разработки на конкретном материале.

Для ее обоснования и развития, как и для поиска ответов на названные выше вопросы, в новейшей историографии широко привлекается арсенал известных теоретических концепций и методологических подходов, разрабатываемых в рамках современных гуманитарных и социальных наук, а также используются – в сравнительно-историческом плане – результаты исследований по военной истории более поздних обществ. Если учесть это обстоятельство, то очевидно, что данный круг военно-исторических работ непосредственным образом выходит на принципиальные вопросы конкретных исследовательских «стратегий» и на важные общетеоретические проблемы, а также на многие ключевые аспекты античной истории в целом.

В рамках одного обзора невозможно даже бегло остановиться на всех работах, выполненных в русле названных подходов и проблематики. Поэтому в качестве показательных примеров современных тенденций в изучении военной истории античности мы рассмотрим два монографических исследования, принадлежащих перу американских историков – Джона Лендона, профессора древней истории в Университете Вирджинии, и Сары Элиз Фэнг, сотрудника Библиотеки Конгресса и Центра эллинских исследований³. Они принадлежат к тому поколению западных

² См. Махлаюк. 2005а. Эти моменты отмечались в историографических обзорах: Wells 1999; Hanson 1999; 2008, 11 ff.; Lendon 2004.

³ Lendon. 2005; Phang. 2008.

антиковедов, которое пришло в науку в 1990-е – самом начале 2000-х годов⁴. Предельно обобщая, можно сказать, что эти книги (если говорить применительно к работе Лендона, то в ее «римской» части) в известной степени имеют общий предмет, но исследуют его с разных сторон: это – ментальные, культурно-исторические или социокультурные основания военной организации и военной деятельности. Если Лендон рассматривает их с точки зрения непосредственного боевого применения вооруженной силы на войне, то Фэнг – с точки зрения «конструирования» особого общественного статуса римских военных и внутреннего функционирования армейского сообщества. Оба исследования непосредственно пересекаются там, где речь идет о базовых ценностных категориях, во многом определявших специфику римской (и не только) военной организации, таких, как *virtus* и *disciplina*. В обеих работах поднимается и такая общая проблема, как социокультурная роль исторической памяти в воспроизводстве общественных отношений и институтов, роль традиций как одного из механизмов этого воспроизводства и в то же время основы для изменений и последующего развития. Авторы предлагают нестандартное освещение, казалось бы, давно изучаемых тем, прежде всего за счет постановки новых вопросов и применения современных эвристических средств и методологий, все еще сравнительно редко используемых в антиковедении.

Книга Дж. Лендона «Воины и духи предков. История битвы в классической древности»⁵ уже успела получить широкую, хотя и неоднозначную прессу⁶. Автор ставит перед собой в высшей степени амбициозную задачу – проследить историю сражения как некоего целостного феномена от греческой архаики до Поздней Римской империи, сконцентрировав внимание на главном, по его мнению, вопросе: как и почему происходили изменения в военном деле в обществе с очень ограниченным технологическим прогрессом? Почему происходили в данное время и не происходили в другое?

Понятно, что охватить столь огромный хронологический период – от Гомеровской Греции до Римской империи IV в. – было бы невозможно, идя по пути подробного освещения всех последовательных этапов того долгого пути, который прошли античные общества и их вооруженные силы. Лендон избирает другой вариант, предлагая серию «case studies», в качестве которых (за исключением гомеровского периода, раннего IV века до н.э., эллинистической эпохи и раннеримского времени) берутся отдельные ключевые битвы, кампании или даже эпи-

⁴ Фэнг защитила диссертацию, посвященную семейным и квази-семейным отношениям римских солдат (2000 г.), а Лендон получил докторскую степень за работу «Perception of Prestige and the Working of Roman Imperial Government», защищенную в Йельском университете (1991). Эти диссертации легли в основу их монографий, которые вошли в число широко цитируемых работ: Phang 2001; Lendon 1997.

⁵ Книга, кстати сказать, была удостоена в 2006 г. премии журнала «History Today» как книга года. В том же году вышли ее переводы на итальянский и испанский языки: Lendon 2006; 2006a.

⁶ См., в частности, рецензии: Bloom 2005; Kulikowski 2006; Strauss 2006; Wheeler 2006; Sidebottom 2006; Rzepka 2006; Nisen 2007; Gilliver 2009; Нефёдкин 2009. Практически все рецензенты, отмечая оригинальность предлагаемой Лендоном концепции, указывают на ее известную односторонность, на недооценку автором роли собственно технологических изменений в военном деле, нередко появлявшихся под более или менее непосредственным влиянием иноземных народов и тех вызовов, которые возникали в конкретных исторических ситуациях. Вызывает критику и авторский выбор рассматриваемых эпизодов, и риторичность аргументации.

зоды (бой трехсот спартанцев против трехсот аргосцев за арголидскую область Фирею для архаической Греции, случай с упрямым спартанцем Амомфаретом в битве при Платеях, сражение при Делии во время Пелопоннесской войны, битва при Иссе Александра Македонского, поединок Марка Валерия Корва с галлом, осада Иерусалима Титом и т.д. вплоть до похода Юлиана в Месопотамию и битвы при Адрианополе). Именно их углубленное рассмотрение в широком культурно-, социально- и собственно военно-историческом контексте позволяет представить панорамную картину закономерной эволюции античного военного дела, прежде всего тактики сражения. Главный исходный посыл – и в то же время конечный вывод – Лендона состоит в том, что в основе происходивших изменений и инноваций в античном военном деле лежали не столько технологические изменения, социальные, институциональные факторы, сколько определенные социокультурные установки, прежде всего ориентация на парадигмы, предлагаемые прошлым (точнее, идеализированными и мифологизированными представлениями об этом прошлом), опытом предков. Как образно пишет американский историк, говоря о греках, «герои эпоса всегда незримо сидели на плечах греков, нашептывая свои советы» (с. 37). Иначе говоря, он (отталкиваясь по собственному признанию от ряда подходов, получивших разработку на материале военной истории новейшего времени⁷) исходит из того постулата, что «какой бы примитивной или современной ни была военная машина, специфические верования людей той или иной эпохи и страны играют свою роль в том, как ведется война»⁸ (с. 4).

Нельзя не отметить литературные достоинства книги Лендона, которая тщательно выстроена с точки зрения композиции, написана весьма увлекательно⁹, превосходным слогом (что, кстати, позволяет изобразить свежими красками многократно описанные сражения и другие военно-исторические эпизоды); не теряя в основательности научной аргументации и оригинальности развиваемых идей, она не перегружена ссылочным аппаратом¹⁰, сбалансированно сочетает описательные и аналитические части. Очевидно, что работа рассчитана на более широкую читательскую аудиторию, нежели не специалистов-антиковедов. Правда, иногда образное видение или какая-нибудь яркая метафора, заостренная парадоксальность суждений чрезмерно увлекают самого автора, и предлагаемые им выводы по

⁷ Он, в частности, ссылается на следующие работы: Lynn 2003; O'Connell 1991; Kiesling 1996.

⁸ Соответствующий подход уже достаточной давно разрабатывается в культурной антропологии. См., например: Warfare 1984; Otterbein 1985; The anthropology of war 1990. Краткий обзор основных исследований в этой области см. Runciman 1998. В российской науке историко-антропологическое изучение феномена войны стало развиваться только с конца 1990-х – начала 2000-х годов см. Сеньявская 2002.

⁹ Характерно, что в качестве пролога, открывающего книгу, автор приводит эпизод из истории вьетнамской войны, когда американские морские пехотинцы готовы были ценой новых потерь исполнить свой обычай – забрать раненых и убитых с поля боя, обычай, который роднит их с древними греками гомеровского и классического времени. Такое неожиданное для книги по древней истории начало призвано проиллюстрировать тезис о том, что во все времена ведение войн предполагало некие правила, которые зависят от верований и взглядов людей.

¹⁰ Ссылки на источники и литературу сведены к минимуму, но зато в конце книги к каждой главе дан основательный и очень дельный обзор важнейших исследований по рассматриваемым темам и конкретным сюжетам (с. 393–440).

отдельным вопросам, при более внимательном и критическом прочтении, обнаруживают известную уязвимость¹¹.

В «греческой» части своего исследования, которая включает семь глав¹², Лендон стремится показать, как гомеровская парадигма, эпический героический этос, связанный с индивидуальными поединками и состязательностью между индивидами и между отрядами, воздействовал на более поздние тактические приемы и поведение бойцов и военачальников, вплоть до Александра Великого и диадохов. Автор, в частности, доказывает, что эллинистическая военная «революция» была результатом следования гомеровскому идеалу ведения боя как состязания. Не столько дисциплина и приказы военачальников заставляли греков сражаться, сколько стремление отличиться храбростью и прославиться. Главной проблемой древнегреческой военной культуры, по Лендону, был поиск соотношения между новыми тактическими приемами и старинным состязанием в эпическом стиле. В классическую эпоху решением стала гоплитская фаланга, которая, хотя и не давала такого простора для проявления индивидуальных отличий, как поединки эпических героев, тем не менее, была лучшим способом обеспечить возможность для состязания в доблести не только между индивидами, но и между соперничающими полисами. Приверженность эллинов своим полисам (которые понимались как наделенные индивидуальным характером) есть элемент той состязательной культуры, продуктом которой и стала греческая фаланга. В то же время такие «гомеровские» доблести, как быстрый бег, искусное владение оружием и колесницей, не требовавшиеся при фаланговом строе, стали частью атлетических агонов и военнизированных танцев, вроде пиррихи. При этом Лендон отмечает, что у рядовых и у командующих был, так сказать, свой Гомер: первые ссылались на необходимость стойко держать позицию и сражаться, как делали герои под Троей, вторые апеллировали к Одиссею, доказывая, что стратегия, а не храбрость является главной доблестью. Тактическая хитрость медленно, но верно получала преимущество, однако никогда не затушевывала эпический идеал героического состязания. Более того, Александр Македонский, как стремится показать Лендон, не довольствовался стандартным для греческих полководцев участием в бою вместе с фалангой¹³, но возродил другой гомеровский идеал – стремление к победе над вражеским предво-

¹¹ Например, по мнению Лендона, решение царя Леонида до конца удерживать позицию при Фермопилах объясняется характерной для греков V в. до н.э. тенденцией отождествлять коллектив граждан, город и войско, приписывая им человеческие черты и эмоции (с. 63). Собственно военные и ситуативные причины этого решения, по сути дела, никак автором не выясняются. Красивая идея о влиянии на позднеримское военное дело (в частности, на возрождение построения фалангового типа) антикварных увлечений образованных римлян жиждется в 12-й главе «римской» части на анализе столь разнородных феноменов, как появление во II в. н.э. моды на шлемы с фигурными масками, опыты по созданию в императорской армии формирования типа македонской фаланги, военные трактаты Арриана и Вегеция. В данном случае трудно отделаться от впечатления, что не столько сама идея обосновывается соответствующими фактами, сколько факты подверстываются под заранее сложившуюся концепцию.

¹² Они суть следующие: I. Сражение в «Илиаде». Ясли духов (The nursery of ghosts); II. Последний гоплит. Происхождение фаланги; III. Два упрямых спартанца в Персидской войне. Община и дисциплина в фаланге; IV. Военное искусство в начале IV в. до н.э. Пельтасты, конница и выучка; V. Коварство Делия. Военачальники и тактика в фаланге; VI. Александр Великий и битва при Иссе. Гомер и военное дело македонян; VII. Военное дело в эпоху Эллинизма (323–31 гг. до н.э.). Состязание, бой и инновации.

¹³ См. об этом подробно: Wheeler 1991.

дителем в поединке, хотя не только это соперничество Александра с Ахиллом, но и характер осуществления власти в Македонии и сама логика македонского строя требовали, чтобы царь сражался подобно гомеровскому герою (с. 138).

Не отрицая полностью роли таких факторов, как экономические и социальные институты, влияние конкретных событий и причуд человеческого гения, Лендон предлагает в общем-то монокаузальное объяснение происходивших изменений, хотя и оговаривает, что греческая состязательность и гомеровская модель ведения боя направляли греческую мысль, но не делали прямых предписаний (с. 159). Характер и степень влияния эпической модели, как считает Лендон, лучше всего улавливаются в вопросе об осадном искусстве, которое получили распространение в Греции только в середине IV в. до н.э. (из Сиракуз, где к нему обратился Дионисий, вероятно, под влиянием карфагенян, которые могли принести его с Востока), хотя греки были хорошо знакомы с персидским военным делом, где осадные приемы и техника были достаточно развиты. Зато у греков было распространено представление о возможности и желательности взятия города хитростью. Аналогичным образом дело обстояло и с военно-морским флотом. «Контраст между агрессивным тактическим свойством морского сражения, загадочным, смешанным, полутактическим, полуритуальным свойством сухопутных сражений, и долгой примитивностью осадных действий, – пишет Лендон, – возможно, имеет корни в Гомере», ибо «культурный вектор, культурная модель, культурный ограничитель и культурное оправдание – всем этим был Гомеровский эпос для более поздних греков. И сила эпоса нигде не является более очевидной, чем в его влиянии на военное дело, наиболее серьезное и практическое из человеческих искусств» (с. 161).

В «римской» части своего труда, которая включает шесть глав¹⁴, Лендон анализирует в первую очередь римскую *virtus*, которая обуславливала особую состязательную агрессивность римских воинов в бою (в отличие от пассивного мужества греческих фалангитов), и силу, противоположную этой «доблести» по своей цели, – дисциплину, призванную сдерживать честолюбивые порывы отдельных бойцов. Он указывает также на такие факторы эволюции римского способа сражаться, как врожденный римский консерватизм и влияние греческой военной науки. Исходя из этого анализа и учитывая эллинистическое влияние, автор предлагает, по сути дела, новый взгляд на эволюцию римских боевых порядков от фаланги через манипулярный легион к когортному построению, а затем, в период Поздней античности, вновь к некоему подобию фаланги (*shield wall*). Лендон критикует распространенные взгляды на римскую дисциплину и сплоченность подразделений как решающие факторы римской военной эффективности, показывая, что индивидуальные бойцы предпочитали сплоченности состязание в доблести, которое берет начало в традиции героических единоборств архаического времени и было неразрывно связано с аристократическим соперничеством на политическом поприще (ибо в раннереспубликанский период победа в поединке, как лучшее свидетельство доблести, могла обеспечить молодому аристократу быструю политическую карьеру; такие «дуэли» были для римской военной культуры характерны в большей степени, нежели для греческой классического или эллинистического времени, и служили,

¹⁴ I. Военное дело в раннем Риме. Единоборство и манипулярный легион; II. Ярость Пидны. Командование, дисциплина и храбрость в Римской республике; III. Центурионы Цезаря и легион из когорт. Военная культура и греческое влияние в период Поздней республики; IV. Сцены из Иудейской войны, 67–70 гг. н.э. Ведение боя, труды и учения в римской императорской армии; V. Стена из щитов и маска. Военное прошлое в Римской империи; VI. Юлиан в Персии, 363 г. н.э. Триумф духов предков.

по выражению автора, обычным «ритуалом перехода» для юных представителей римской знати). При этом сплоченность (*cohesion*), как и дисциплина, не являлась неизменным биологическим абсолютом, но была укоренена в особых навыках социального общения, в культуре данного общества.

Истинный секрет римской эффективности, согласно Лендону, заключался в способности римлян сохранять и адаптировать старинные ценности «доблести» и «дисциплины». Как и в случае с греками, римское прошлое, реальное или воображаемое, служившее предметом восхищения последующих поколений, во многом объясняет принятые римлянами способы ведения боя и изменения в них. Так, переход к манипулярной тактике, по заключению автора, не был рациональным приспособлением фаланги к действию на пересеченной местности или против врага, сражающегося в нерегулярном строю, но представлял собой решение проблемы примирения «состязательной культуры индивидуальных поединков с неагрессивным массовым действием фаланги» (с. 189). Сравнительно неуклюжие манипулы уступили место более маневренным когортам главным образом под греческим интеллектуальным влиянием. Но манипул, по выражению Лендона, не умер естественной смертью: кто-то его убил (с. 229). И именно оппозиция между *virtus* и *disciplina* в значительной степени определяла соответствующую эволюцию римской тактики. В частности, по утверждению автора, во времена Цезаря коренным образом изменилась роль центурионов в римской армии: они взяли на себя роль юных аристократов в демонстрации героической доблести на поле боя; теперь центурионы, на которых раньше возлагалась прежде всего обязанность поддерживать дисциплину, не просто проявляли образцовую храбрость, чтобы подстегнуть своих подчиненных, но состязались в доблести ради самой доблести, тогда как командиры более высокого уровня (в первую очередь военные трибуны), происходившие из знати, которая все больше становилась гражданской по своим устремлениям и амбициям, стали делать упор на поддержание дисциплины и использование маневренной тактики. Когортная тактика в большей степени соответствовала таким установкам римской аристократии. Кроме того, с конца II – начала I в. до н.э. происходит пролетаризация рядового состава легионов, и теперь, как пишет Лендон, армию бедных и слабых (в социальном смысле), с центурионами, происходившими из тех же низших слоев, возглавляли сыновья сильных¹⁵; поэтому солдаты во времена Цезаря были в более слабой позиции по отношению к своим командирам, нежели во времена Сципиона Эмилиана (с. 230–231). Такое положение дел толкало солдат под знамена военных вождей и демагогов, что сыграло существенную роль в кровавом переходе от республики к империи. При этом, однако, эти военные лидеры, укрепляя дисциплину как противовес некон-

¹⁵ Более конкретной и близкой к истине представляется точка зрения на изменения командного состава позднереспубликанской армии, высказанная Г. Бореном. Он указывает на появившуюся в послегракханский период тенденцию ко все более частому отказу отпрысков знатных семейств служить в армии на младших и средних командных должностях. В результате эти должности заполнялись сыновьями малых сенаторов, надеявшимися пробиться в высший слой правящей элиты, или выходцами из политически незначительных семей всадников и средних землевладельцев, для которых должность военного трибуна была едва ли не пределом карьерных надежд. Такие офицеры, отчасти отбিরавшиеся лично полководцами, отчасти делавшие карьеру в самих войсках, превращались фактически в профессионалов, и именно от их поддержки во многом зависел успех или неудача политических планов амбициозных военных лидеров. См. Boren 1980, 57 ff. Ср. также Blois 2000.

тролируемой доблести, действовали заодно со своими офицерами против солдат и последние не имели достаточно сил, чтобы сопротивляться им иначе, чем с путем открытого мятежа. Поэтому, заключает Лендон, в период Поздней республики происходит незаметное, но важное изменение в старом противостоянии идеалов *virtus* и *disciplina*: по мере того как солдаты становились слабее, дисциплина приобретала более прочные основания (с. 231). Из изложения автора довольно-таки трудно однозначно заключить, означало ли это, что в период Поздней республики в римской армии дисциплинарные порядки сделались более строгими (что явно противоречит известным фактам), или же в данном случае речь идет об усилении роли дисциплины как необходимой основы для применения когортной тактики.

В изложенных рассуждениях и выводах автора, несомненно, выявлены важные тенденции и факторы эволюции римской военной организации. Сложно, однако, согласиться с выводом об ослаблении позиций солдат в конце республиканского времени. В последнее столетие Республики имеется немало примеров, когда именно войско диктовало свою волю своим лидерам, и, на наш взгляд, правильнее говорить о своего рода договорных, взаимообязательственных отношениях между полководцами и их армиями¹⁶, а повышение роли дисциплины на поле боя следует связывать с профессионализацией войска.

Обращаясь далее к анализу оппозиции «доблесть–дисциплина» в условиях профессиональной армии эпохи Империи, Лендон стремится доказать, что в действиях легионов акцент делался на демонстрацию дисциплины и легионеры все больше использовались на войне как инженерные части (*combat engineers*) (хотя и сами строительные и осадные работы носили состязательный характер), в то время как агрессивную боевую «доблесть» призваны были проявлять главным образом солдаты вспомогательных войск, рекрутируемые из варваров, еще не утративших соответствующих природных боевых задатков. Дисциплина, однако, была одновременно и тем, что навязывалось солдатам сверху, и тем, что сами солдаты должны были внутренне разделять; как таковая дисциплина структурно сроднилась с *virtus* и, подобно ей, была предметом состязательности, как коллективной, так и индивидуальной, которая поощрялась и эксплуатировалась командирами¹⁷. Последние хорошо понимали, что победа зависит от поддержания баланса между неконтролируемой *virtus* и состязательной дисциплиной. Стоит, однако, отметить, что эти выводы, по сути дела, строятся всего лишь на двух аргументах: во-первых, на том, что на колонне Траяна легионеры изображены сражающимися всего в четырех сценах, тогда как солдаты-ауксиларии – в четырнадцати; а во-вторых, на рассказе Иосифа Флавия об осаде Иерусалима войсками Тита: здесь легионеры преимущественно занимаются военно-инженерными работами, в то время как воины вспомогательных войск играют главную роль в собственно боевых действиях и

¹⁶ Ср. Махлаюк 2005. О роли армии в век «римской революции» немало написано в минувшие два десятилетия. Современные интерпретации этой роли см. в работах: Blois 1987; 2007; Alston 2002; Chrissanthos 1999; Brice 2003. Отметим также взвешенную, аргументированную концепцию в недавней книге А. Кивни: Keaveney 2007.

¹⁷ При этом данная состязательность, по мнению Лендона, должна рассматриваться как форма солидарности, обращенной вовне (*outward-looking solidarity*), а не как внутренняя (*inward-looking*), вырастающая из дружеских чувств и уз товарищества. Как образно пишет автор, римское воинское подразделение больше напоминало современную профессиональную спортивную команду, члены которой вместе выступают против других команд, но по отношению друг к другу зачастую испытывают скорее чувство соперничества, нежели дружеского расположения (с. 255).

смелых предприятиях. Хорошо, однако, известны, примеры, когда в строительных работах были задействованы вспомогательные войска, а в сражениях решающую роль играли легионы; воинские же *labores* и *opera* всегда были неотъемлемой и характерной частью римской военной жизни¹⁸.

Не выглядит достаточно убедительным и вывод Лендона о том, что пример Тита под Иерусалимом, стремившегося, подобно героям ранней Республики, лично участвовать в сражении, свидетельствует об изменении в модели поведения римского полководца по сравнению со временем Цезаря, когда полководцы и молодые аристократы не склонны были рисковать собой. С точки зрения Лендона, именно с Тита получает все большее распространение обычай героического лидерства (*a growing habit of heroic leadership*) в римской армии (с. 260), причем фактором такого изменения служила ностальгия по прошлому, особенно по греческому военному прошлому, а кроме того, пример Александра Великого. На наш взгляд, в римской традиции личное участие военачальника в бою всегда сохраняло важное значение, если не практическое, то, по меньшей мере, идеологическое¹⁹. Именно здесь обнаруживается очевидное расхождение между теоретическими предписаниями греков и оценками римских авторов²⁰. Так, явное одобрение вызывает у большинства из последних совмещение «обязанностей смелого воина и доблестного полководца» (*strenui militis et boni imperatoris officia*) (Sall. Cat. 60. 4). Например, согласно Тациту (Hist. III. 17. 1), Антоний Прим во время яростного сражения «не упускал ни одной обязанности твердого полководца и храброго солдата» (*nullum ...constantis ducis aut fortis militis officium omisit*). Цезарь высоко оценивает действия своего легата Л. Котты, который «поспевал всюду, где этого требовало общее благо, обращался со словами ободрения к солдатам и, лично участвуя в бою, исполнял одно-

¹⁸ Так, в известном экскурсе, посвященном сопоставлению македонского и римского войска, Ливий подчеркивает, что с римским легионером никто не может сравниться в усердии (*in opere*) и перенесении трудов (*tolerandum laborem*) (IX. 19. 9), а в другом месте (V. 27. 8) он вкладывает в уста Камилла слова о том, что римляне побеждают прежде всего *Romanis artibus – virtute opere armis*. См. подробнее: Махлаюк 2006, 285 сл. Ср. также Carrié 1989, 118 sgg.

¹⁹ В среде римской знати, кроме того, всегда и в эпоху Империи тоже, высоко ценилось искусное владение оружием и прочие воинские умения. См. Махлаюк 2003.

²⁰ Например, согласно Ксенофону (Oecon. 21. 7), лучший военачальник не тот, кто телесно сильнее своих воинов и превосходит их искусством обращаться с оружием и конем, кто кидается в опасность впереди всех, но тот, кто умеет внушить солдатам стремление идти за ним в любую опасность. Плутарх приводит апофтегму об афинских полководцах Тимофее и Харете. Когда последний выставлял напоказ свои шрамы и пробитый копьем щит, Тимофей заметил: «А мне было очень стыдно, когда во время осады Самоса подле меня упал дротик: я понял, что веду себя легкомысленнее, чем подобает командующему» (*Plut. Pelop. 2*; ср. *Aporh. reg. et duc. 45*). Ср. также *Polyb. X. 13. 1 sqq.*; 33. 3; *Plut. Sert. 13*; *Onasand. Strat. 33*. Такая храбрость и у римских авторов могла иногда толковаться как «неистовство», «дерзкая отвага» (*furor, audacia*). Ср., например, *Cic. De off. I. 23. 81*: «...опрометчиво бросаться в сражение и врукопашную биться с врагом – дикость, подобная звериной» (пер. В.О. Горенштейна). Характерно, однако, что Цицерон тут же оговаривается, что, если обстоятельства этого требуют, то надо не на жизнь, а на смерть сразиться в рукопашном бою и предпочесть смерть рабству и позору. Впрочем, в эпоху эллинизма модель военного лидерства в значительной мере сохраняла традиции аристократического этоса, ставившего во главу угла личную храбрость и воинское искусство командующего. Ср. Beston 2000 (особенно с. 321 сл.). Этот традиционный взгляд обнаруживается и в представлениях Полибия (см. Eckstein 1995, 28–40).

временно обязанности полководца и солдата» (B.G. V. 33. 2). Цицерон восхваляет консулов Пансу и Гирция за их действия в сражении против Марка Антония под Мутиной, называя первого, сражавшегося в передовых рядах и дважды раненного, прославленным императором²¹, а о втором, который в бою сам нес орла легиона, говорит как о доселе невиданном прекрасном образе императора (Phil. XIV. 26, 27). По сообщению Светония (Aug. 10. 4), Октавиан, не отличавшийся ни физической силой, ни храбростью, во время этой же войны исполнил обязанности не только полководца, но и простого солдата²².

Вряд ли в этих примерах можно обнаружить какое-то стремление подражать Александру. Скорее речь следует вести о сохранении собственно римской традиции, которая в те или иные периоды могла почти не проявляться в практике командования, но в определенные моменты ярко возрождалась в действиях отдельных военачальников. Непосредственное греческое, «книжное», влияние действительно можно обнаружить в том стиле военного лидерства (автор называет его антикварным), которому следовал император Юлиан²³, и Лендон убедительно показывает это в посвященной ему главе, отмечая при этом, что в IV в. героическая модель военного лидерства, казавшаяся во времена Тита эксцентрическим выбором, стала обычной среди высших командиров. Возможные причины этого автор видит в том, что последние принадлежали к тому же культурному слою, что и Юлиан, и Аммиан Марцеллин, и разделяли эллинистическое представление о военном командовании, образцом которого были Александр и гомеровские герои, выступавшие одновременно как тактики, знатоки военных хитростей и передовые бойцы (с. 303).

Эта «антикварная» установка проявилась и в тактических построениях позднеримской армии, в которой к середине IV в. стандартным стал строй, именуемый *shield wall* и схожий с фалангой. При этом изменилось и вооружение (на смену легионерскому скутуму пришел овальный или круглый щит меньшего размера, меч-гладиус сменила *spatha*, а пилум – *hasta*), и способ действия отдельного бойца, который теперь вместо индивидуальных поединков с неприятелями должен был действовать в тесно сплоченном строю. Эти коренные изменения Лендон довольно-таки произвольно увязывает, во-первых, с распространившейся во II в. модой на старинные псевдо-аттические шлемы и шлемы-маски в виде женских образов (амазонок, медузы) или портрета Александра, и, во-вторых, с увлечением некоторых военных теоретиков (в частности Арриана) и императоров (Каракаллы и Александра Севера²⁴) идеей возрождения македонской фаланги и, в-третьих, с тем риторическим образованием, которое получала имперская элита и которое ориентировалось на канон блестящих деяний греко-римской старины, рассматривавшихся как образцы для подражания. Соответственно возвращение к фаланге объясняется, в конечном счете, актуализированной памятью о прошлом. Такое объяснение нельзя признать обоснованным, поскольку названные феномены не

²¹ По Аппиану (B.C. III. 71), Гирций погиб, ворвавшись в лагерь противника и сражаясь у палатки полководца.

²² *non modo ducis, sed etiam militis functum munere*. Флор (II. 4. 5) добавляет, что Октавиан был при этом еще и ранен. Во время Иллирийской кампании Октавиан также принимал личное участие в бою и был дважды ранен (*App. Illyr. 20; 27; Flor. II. 12. 7; Suet. Aug. 20. 1; Plin. NH. VII. 148*).

²³ Ср. Махлаюк 2003а.

²⁴ К ним можно было бы добавить и Нерона, который, готовясь к походу к Каспийским воротам, набрал новый легион в Италии и назвал его «фалангой Александра Великого» (*Suet. Nero. 19. 2*).

только обусловлены своими собственными причинами и мотивами (далеко не во всем понятными²⁵), но и относятся к слишком далеким и друг от друга, и от поздне-римской военной практики плоскостям, чтобы их можно было рассматривать как факторы тех существенных изменений в вооружении и тактических построениях, которые имели место в III–IV вв.

Однако Лендон идет дальше и в заключительной главе своей книги, рассматривая битву при Адрианополе, выдвигает тезис о том, что именно увлечение прошлым со стороны таких командующих, как Юлиан и Валент, и их следование героической модели командования погубили римскую армию, которая в общем-то не уступала прежней по дисциплине, выучке, снаряжению, а в чем-то даже превосходила. Дело в том, что в IV в. возникло опасное несоответствие между возможностями армии и культурой ее командующих, которые явно или неявно руководствовались традициями. «В конечном итоге солдаты не одолели духов прошлого. В конечном итоге победили духи предков», – риторически заключает автор (с. 309). Такой вывод представляется более чем спорным, чрезмерно упрощающим содержание тех сложных процессов и событий, которые привели к катастрофическому поражению при Адрианополе, и совершенно не учитывает последующее развитие военной организации в восточной части Римской империи. Во всяком случае, ориентация на образцы прошлого в военной теории и практике уже в византийское время отнюдь не губительным образом, а, напротив, положительно сказывалась на функционировании и развитии вооруженных сил²⁶.

Таким образом, в римской военной истории действовали четыре главных культурных фактора: 1) традиция единоборств и связанная с ней категория «доблести», понимаемой прежде всего как агрессивная храбрость; 2) дисциплина, которая по происхождению выражала этос римской фаланги и призвана была обеспечить контроль командиров над солдатами, но была в своих основных элементах – повиновении, тренировке и трудах – не менее состязательной, чем доблесть; 3) влияние военного опыта и военной теории греков на римских военачальников; 4) глубокая приверженность римлян к собственному прошлому, которая в эпоху Республики замедляла и направляла изменения, а в период Империи, соединяясь с преклонением перед греческими военными методами и формируя архаизирующую культуру Второй софистики, породила то, что Лендон называет «военным антикварианизмом» (с. 313). Именно баланс между *virtus* и *disciplina*, между консерватизмом и открытостью инокультурным влияниям, определял в значительной степени успехи Рима в военной сфере.

В заключение американский исследователь подчеркивает, что греки и римляне по-разному понимали свое прошлое. Если для эллинов эпическое прошлое было источником вдохновения и путеводителем, но они никогда не занимались его воз-

²⁵ В частности, ничего не известно о боевом применении и последующей судьбе созданных Каракаллой и Александром Севером формирований, и поэтому трудно что-либо определенное сказать о мотивах, которыми руководствовались названные императоры. Арриан же, как известно, имел своих предшественников в лице тех военных теоретиков, которые в антикварном ключе обращались к македонской фаланге: это и Асклепиадот, ученик Посидония (I в. до н.э.), автор «Тактического искусства», и Элиан, посвятивший свою «Теоретическую тактику» императору Траяну. Мода же на предметы воинской экипировки того или иного вида диктовалась подчас совершенно неуловимыми факторами и имела определенно выраженную региональную специфику (см. Bishop, Coulston 2006, 266 ff.).

²⁶ См., в частности, разносторонний анализ византийской полемологической литературы в ее соотношении с практикой военного дела: Кучма 2001.

рождением просто ради возрождения, то для римских военных успехов вплоть до IV в. основополагающее значение имела способность римлян сохранять систему ценностей, основанную на «доблести» и «дисциплине»; но когда они обратились от сохранения прошлого к его воссозданию, они сделали это гораздо более наивно, нежели греки. Поэтому отношение греков к своему военному прошлому делало их армии лучше, а соответствующее отношение римлян сделало их армию хуже. Эволюция военного дела в античности напоминает, по мысли Лендона, эволюцию литературы, которая развивалась благодаря *aemulatio*, состязательному подражанию, так как античные военные деятели, решая ту или иную проблему, обращались прежде всего к образцам прошлого, а не полагались на собственную изобретательность, стремясь придумать что-то принципиально новое.

Таковы главные выводы Лендона. Его работа предлагает концепцию, далеко не всегда и не во всех аспектах убедительную, но достаточно цельную, основанную на осмыслении и обобщении большого разнообразного материала. Автору, несомненно, удалось выявить и акцентировать важные сходства и расхождения греческого и римского отношения к войне и военному делу, привлечь внимание к таким факторам их эволюции, которые обычно остаются вне поля зрения военных историков. Книга Лендона провокативна в хорошем смысле слова: отличаясь нестандартной постановкой вопросов и подчас неожиданными (а иногда и произвольными) ходами мысли и аргументации, она тем не менее позволяет по-новому взглянуть на уже, казалось бы, хорошо изученные темы.

Монография Сары Фэнг написана в более академичной манере, с подчеркнутым вниманием к методологической рефлексии, сочетает тщательность в деталях с концептуальностью общего взгляда. Понятие *disciplina militaris*, к которому обращается Фэнг, исключительно многозначно, оно не только полнее других выражает суть и специфику римской военной организации в целом²⁷, но и позволяет охватить практически все аспекты военного дела и повседневной жизни армии (от обучения воинов и тактических приемов, использовавшихся в сражениях, до особенностей диеты и организации питания солдат и, так сказать, гендерного измерения военной службы), а также затронуть особенности идеологии правящих элит и важные вопросы функционирования политической системы, ибо дисциплина, как подчеркивает Фэнг, была полем борьбы за легитимность между императорами, сенаторской и всаднической аристократией и армией, а также гражданским населением из низших классов Рима и провинций (с. 5). Автора в первую очередь интересует укорененность римских военных установлений в особенностях социальных структур, политической идеологии и культуры Древнего Рима. Соответствующим образом строится структура книги, которая, помимо общего введения (включающего суммарное изложение развиваемых тезисов), состоит из семи глав. В них последовательно рассматриваются общие теоретические модели, выбранные автором для анализа (гл. I), своеобразие и значение боевой подготовки войск для римской дисциплинарной практики (гл. II), характер и содержание римского воинского габитуса (об этом понятии см. ниже) (гл. III), система наказаний (гл. IV), идеологическое значение жалованья и донатив (гл. V), роль воинских трудов в поддержании дисциплины (гл. VI), взаимосвязь дисциплины и ограничений, налагаемых на солдат в потреблении различных материальных благ, прежде всего еды и напитков (гл. VII). Каждая глава, в свою очередь, подразделяется на небольшие тематические разделы и подразделы, существенно облегчающие ориентацию в материале, и заключается четко формулируемыми выводами.

²⁷ Ср. Махлаюк 1998.

Во введении Фэнг, отмечая анахроничность ряда распространенных представлений о римской воинской дисциплине, трактующих ее сущность в неких универсальных понятиях и связанных, например, с децимацией и автоматическим повиновением приказам, заявляет о своем стремлении выявить ее историческую специфику, для чего необходимо отойти от «институционального» понимания дисциплины и рассмотреть ее как широкий набор культурных практик и кодов, оформляемых и внедряемых с помощью идеологических средств, которые прививали повиновение и позволяли правящим элитам осуществлять социальный контроль над армией²⁸. По ее словам, *disciplina militaris* была «весьма моралистической и консервативной идеологией, которая стремилась повернуть время вспять и воспроизвести идеальную социальную иерархию» (с. 4).

Опираясь преимущественно на античные литературные источники, которые имеют морализаторскую и риторическую природу, Фэнг в качестве аналитической объяснительной модели обращается к некоторым известным концепциям современной социологии, главным образом М. Вебера и теории габитуса и символического насилия П. Бурдьё, но ставит также вопрос о применимости тех концепций идеологии, которые связаны с именами К. Маркса и Л. Альтюссера. Вопросы о выборе и пригодности тех или теорий для исследования идеологических аспектов дисциплины рассматриваются в I главе «Теоретическое рассмотрение *disciplina*: социальный конфликт, легитимация и власть». Констатируя недостаточность марксистского определения общественного класса для описания социальной дифференциации античных обществ, автор, в частности, подчеркивает, что солдаты занимали промежуточное («субэлитное», по ее определению) положение в римской социальной иерархии, в которой их статус был весьма относительным; и дисциплина определяла многие аспекты этого статуса, отделявшего простых воинов как от элиты, так и от массы гражданского населения, причем и высшие сословия, и низшие слои рассматривали привилегии солдат как социальную проблему; соответственно элита вырабатывала репрессивный идеал дисциплины, который, однако, необходимо было сделать приемлемым и легитимным в глазах солдат, всегда сохранявших способность к мятежам. Фэнг соглашается с тем, что дисциплина была идеологическим понятием в марксистском смысле, так как предназначалась для того, чтобы оправдывать и делать возможным контроль над солдатами (в плане условий их жизни, распределения и потребления материальных благ). Но солдаты в эпоху Империи не были простыми жертвами экономической эксплуатации; их нельзя было мотивировать прямым принуждением, как рабов, или угрозой голода, как свободных бедняков, работавших за плату. Поэтому, как формулирует Фэнг, культурное производство и воспроизводство было столь же важным, как и материальное производство.

Из веберовской социологической теории Фэнг заимствует такие понятия, как харизматическое лидерство и рутинизация, традиционная патримониальная власть и власть рационально-бюрократическая, и отмечает, что римская *disciplina militaris* обнаруживает лишь отдельные черты современной военной дисциплины или веберовского «идеального типа» дисциплины, который предполагает беспрекословное повиновение, рационально организованный набор войск и продвижение по службе, наличие рациональной бюрократии и формальных законов или правил.

²⁸ Аналогичные подходы к исследованию римской воинской дисциплины и характера взаимоотношений военачальников и войска развиваются в диссертации Р.Л. Мур: Moore 2002. Судя по библиографическому списку в книге Фэнг, эта диссертация в скором времени должна появиться в виде монографии.

В дальнейшем своем анализе Фэнг рассматривает римскую дисциплину как противоречивое сочетание неформальных (в том числе патримониальных), ценностно-рациональных элементов с тенденцией к бюрократической рутинизации, которая, впрочем, так и не получила полного развития в Древнем Риме.

Выявлению идеологической сущности и специфики римской *disciplina militaris* помогает, по мнению автора, предложенная П. Бурдые категория *габитуса*. Под последним понимается устойчивый, внутренне укорененный образ мышления, чувствования и поведения, который присущ той или иной общественной группе либо индивиду и усваивается в процессе воспитания в виде определенного набора культурных условностей (*cultural arbitraries*), становящихся второй натурой человека. Именно внедрение и усвоение соответствующего воинского *габитуса* обеспечивали, по словам Фэнг, социальное и культурное воспроизводство римской военной иерархии, которая поддерживалась также символическим насилием²⁹, выражавшемся в ограничении материальных благ, потребляемых солдатами, а также в соучастии военачальников и императоров в тяготах и лишениях воинской жизни. Как и «доблесть», дисциплина ассоциировалась с маскулинным *габитусом*, формировавшим определенную идентичность солдат, которая выделяла их из числа лиц, чья деятельность считалась позорной в военном контексте (лагерной прислуги, торговцев и т.п.).

Во II главе Фэнг аргументирует тезис о том, что в римской системе обучения и тренировок войск акцент делался не на строевую муштру, но на индивидуальную ловкость, искусное владение оружием и боевую агрессивность (то, что римляне определяли как *ferocia* и *animus*), ибо этого требовала римская тактика, основу которой составлял ближний бой на коротких мечах, предполагавший прежде всего высокую выучку и инициативу отдельного бойца. Подчеркивание в римских источниках решающей роли доблести войска, а не искусства полководца отражает, по мнению Фэнг, традицию, связанную со стремлением умерить аристократическое соперничество в период Средней республики, а в эпоху Империи акцент на *soldier's battle*, возможно, имел целью принизить роль провинциальных командующих, чьи военные успехи и слава могли угрожать стабильности императорской власти. Парадигма дисциплины задавалась не строевой подготовкой и действиями в составе сплоченных формирований, как в армиях Нового времени, но с помощью воинских трудов (*labores*), включая устройство военного лагеря, которые выступали как средства социального контроля над войском, обеспечивая баланс между повиновением и агрессивной храбростью. Фэнг, кстати сказать, не присоединяется к мнению Лендона о «разделении труда» между солдатами вспомогательных войск, использовавшимися преимущественно для боевых задач, и легионерами, на долю которых доставались строительные и административно-полицейские функции, считая такой взгляд слишком схематичным.

Стоит отметить интересные суждения, высказанные Фэнг по вопросу об отсутствии у римлян военной музыки, которого она касается, выступая против распространенного мнения о широком использовании строевых упражнений в римской армии. Отмечая, что римляне, в отличие от других народов древности, не использовали ни барабанов, ни духовых музыкальных инструментов, чтобы поддерживать ритм движения в строю, она объясняет это традиционным римским предубеждением против музыки и танцев, которые в военной жизни связывались с наруше-

²⁹ Фэнг в последующем изложении, однако, предпочитает избегать терминов «символическое насилие», «символический капитал», используя вместо них такие понятия, как «субординация, социальный контроль, легитимация» и «престиж, честь».

нием дисциплины. Для Фэнг это служит одним из доводов³⁰ в пользу того, что римляне не практиковали строевые экзерсисы и муштру как средство социального контроля, наказания, демонстрации корпоративного духа, для устрашения врага или гражданского населения. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. В римской военной истории можно найти достаточно красноречивые примеры того сильного впечатления, какое могли произвести слаженные строевые маневры легионов. Так, Тит Ливий (XL. 47. 7–9) рассказывает, что Семпроний Грах во время осады Кертимы в Испании в 180 г. до н.э. приказал всем своим воинам в полном снаряжении совершить серию маневров перед послами этого города. После рассказа посланников об этом зрелище город сдался без боя. По свидетельству Иосифа Флавия (B. Iud. V. 9. 1), одно только зрелище римского войска, собранного в одном месте во всем блеске своей экипировки и выстроенного по родам оружия и подразделениями во время парада, устроенного Титом, произвело устрашающее впечатление на осажденных в Иерусалиме иудеев.

В этой же главе Фэнг поддерживает вывод Лендона о том, что возвращение к строю типа фаланги в конце II в. связано с архаизирующими установками Второй софистики, и добавляет, что такое построение могло служить и целям обеспечения дисциплины в позднеримской армии, которая состояла из менее тренированных и менее мотивированных солдат.

III глава «*Viri militares: Habitus и дисциплина*» посвящена разнообразным аспектам военной службы, совокупность которых определяла воинскую идентичность: это и отношение солдат к командирам, и воинский этикет, и религиозные верования, и внешний облик и манера поведения римских военных. Указывая на отсутствие в римской практике развитого воинского этикета (большинство его элементов, таких, как формы приветствия и обращения к вышестоящим, были общими с теми, что использовались в гражданской жизни) и воинской униформы, «мундира» (его заменял такой идентификационный признак, как ношение оружия), Фэнг обращает основное внимание на гендерный аспект воинского габитуса, который акцентировал сугубо мужские качества (*virtus* в широком смысле слова) и выражался в соответствующем сексуальном поведении³¹, в избегании любых проявлений женоподобия, распущенности и изнеженности, в таком состоянии тела, которое обозначалось понятием *intentio*, т.е. «напряжение», готовность принять участие в бою или воинских трудах. По словам Фэнг, понимаемая таким образом воинская маскулинность была тем общим языком, который на протяжении веков создавал иллюзию непрерывности традиций и помогал аристократическим офицерам, практиковавшим соответствующую модель поведения, легитимизировать свою власть и перебросить мост через ту пропасть, что отделяла их от рядовых солдат; для римских военачальников такое поведение на военной службе было также элементом более широкого поведенческого кода, подчеркивавшего отсутствие гневливости, алчности и прочих тиранических пороков. Соответственно в

³⁰ Другим доводом является *argumentum ex silentio*: если бы римляне придавали столь большое значение строевой подготовке, какое приписывают ей современные исследователи, то античные авторы сообщали бы о ней гораздо больше информации (с. 58–59).

³¹ Автор довольно-таки подробно останавливается на активной и пассивной сексуальных ролях, хотя и признает, что в Риме маскулинность определялась не только ими, но также общей манерой поведения мужчины. Важно, однако, учесть и тот момент, что характерно-римское понимание маскулинности было неотделимо от статуса «мужа», *vir*, который был, по большому счету, присущ только женатому человеку, являвшемуся лицом своего права, обладавшим отцовской властью, и это обстоятельство, в условиях официального запрета на брак для солдат, делало их мужской статус не до конца полноценным. Cp. Alston 1998.

идеологии дисциплины императорского времени *virtus* и военачальников, и рядовых солдат переосмыслялась как стойкость в трудах и лишениях. Престиж такого маскулинного габитуса означал, что римское военное лидерство сохраняло характер харизматической власти, связанной скорее с личностью, чем с социальным статусом или легальными полномочиями ее носителя. При этом идеал стойкости, умеренности (*modestia*, *continentia*) и повиновения, подчеркиваемый в императорское время и помогавший обеспечивать легитимность единоличной власти, Фэнг называет «реакционным» – не в смысле восстановления прошлого, но в смысле реакции на период гражданских войн. Характеризуя этот идеал как стоический и платонический, автор, однако, оговаривается, что платоновская идеология не помогает пониманию природы римского командования. Исследовательница, безусловно, права, когда подчеркивает, что повиновение римских солдат не было механическим, что они нередко выдвигали свои требования командирам, но следовало бы добавить, что это связано не только с особенностями римской тактики, но и с тем, что легионеры были римскими гражданами. Так или иначе, Фэнг справедливо подчеркивает ориентацию на образцы прошлого в римском понимании воинской маскулинности, которая, по ее словам, создавала иллюзию непрерывности в развитии римской армии от времен Полибия до времени Вегеция, несмотря на изменения в тактике, организации, государственном аппарате, социальном и этническом составе войск. Эта непрерывность, позволявшая некоторым военачальникам эпохи Империи подражать практикам классической Римской республики, была тем более необходима, что римская аристократия в эпоху Принципата, утратив реальную власть, стремилась поддерживать свою *dignitas* путем переосмысления *virtus*, связывая последнюю не только с войной, но и с другими сферами деятельности. Но при этом *virtus* как стойкость в трудах и суровая простота также были обращены к римскому прошлому.

Некоторые суждения в данной главе звучат чересчур категорично. Так, по утверждению Фэнг, во времена Поздней республики и Империи *disciplina militaris* практически никак не была связана с армейской религией. Делая исключение только для воинской присяги (*sacramentum militiae*) и культов военных штандартов, автор довольно-таки наивно утверждает: «совершение жертвоприношений ладаном и вином не помогало солдатам научиться воевать. Даже принесение в жертву животных, хотя и могло приучить солдат к виду крови, едва ли было практикой (предназначенной. – А.М.) для боя. Солдат, занятый трудами и учениями, во время отдыха или подвергающийся наказаниям, отсутствует в сообщениях о военной религии» (с. 92). Такой вывод представляется упрощением, игнорирующим как некоторые частные феномены (например, культы *dii campestres*, гениев строевого плаца и *Disciplina militaris* как обожествленной абстракции³²), так и общую оценку роли религии в военной сфере³³.

³² Махлаюк 2006, 338–363. О культе *dii campestres* (богов-покровителей строевого плаца) см. Irby-Massie 1996. Фэнг бегло упоминает о культе Дисциплины, получившем некоторое развитие при Адриане и Антонине Пие, но слишком, на наш взгляд, категорично характеризует его как незначительный и непопулярный (с. 89). Он действительно носил, по всей видимости, официальный характер и не получил широкого и долговременного распространения. Показателен, однако, сам факт его появления именно в правление Адриана, уделявшего самое пристальное внимание выучке и поддержанию боеготовности войск в мирное время.

³³ Ср., например, оценку Дж. Хельгеланда: «вся военная жизнь Рима была, явно или неявно, религиозным феноменом» (Helgeland 1978, 1471 ff.). В последние годы религия римской армии изучается весьма интенсивно. Из новейших работ см. Rüpke 1990; Haynes 1993; 1997; Irby-Massie 1999; Herz 2002; Stoll 1998; 2001; 2007.

Рассматривая систему наказаний (глава IV), Фэнг обращает внимание на противоречивое сочетание традиционных установок на дисциплинарную суровость с реалиями профессиональной армии эпохи Принципата, отмечая, в частности, что, налагая на солдат наказания, римские военачальники руководствовались не предписаниями уставов (каковых в современном смысле просто не существовало в римской армии), но традициями, теми *exempla*, которые подчеркивали повиновение и престижность архаической суровости. При этом имперская элита скорее ностальгировала по былой дисциплинарной строгости, на деле чаще прибегая к позорящим наказаниям, которые придавали большую рационализацию военной службе. Однако бюрократический подход к наказаниям не получил полного развития, свобода командующего в выборе наказаний и престиж древней суровости сохранялись, и повиновение нормам дисциплины внедрялось в воинский *habitus*. Помимо интересных трактовок отдельных вопросов (например, о влиянии литературной традиции на сочинения римских юристов северовского времени), данная глава полезна как компактное целостное освещение системы наказаний, использовавшихся в римской армии. Несколько странно звучит только одно утверждение Фэнг: поскольку воинская профессия предполагала применение солдатами насилия против внешних и потенциальных внутренних врагов, насильственные действия солдат против штатских лиц не подлежали гражданскому суду (с. 133). Думается, что причины особого порядка судопроизводства по делам с участием военнотружущих, заключались в другом и были связаны как с общей тенденцией к обособлению военного права в период Империи, так и с древней традицией судить солдат по месту службы³⁴.

Обращаясь далее к вопросу об идеологическом значении жалованья, донатив и других источников солдатских доходов, Фэнг исходит из того, что гражданские войны периода Поздней республики поставили под вопрос легитимность доступа солдат к богатству (в идеологическом дискурсе императорского периода падение Республики расценивалось как результат войн, мотивированных стремлением к материальным выгодам) и, несмотря на рационализацию при Августе системы пенсионного обеспечения ветеранов, *stipendia* и *donativa* по-прежнему оставались предметом обсуждения, и имперская аристократия рассматривала доступ солдат к богатству в лучшем случае как незаслуженный, а в худшем – как незаконный. Дисциплина призвана была не только ограничить незаконные доходы солдат, связанные с вымогательствами и коррупцией, но и предполагала – в целях избежать эксцессов времен гражданских войн – формализацию и рутинизацию (в веберовском смысле) различных официальных выплат. Но эта тенденция, проявлявшаяся, в частности, в приурочивании денежных подарков к определенным событиям и датам, вступала в противоречие с пониманием донатив как личных подарков императора, создававших персональные отношения между ним и армией, в силу которых и отказ от раздач, и слишком явное стремление купить ее преданность могли восприниматься солдатами как оскорбление. Поэтому императоры стремились придать выплатам и наградам символическое значение, ассоциируя их с честью и выполнением долга, а для того чтобы контролировать солдатские аппетиты и притязания на материальные блага, использовали военные учения и труды и

³⁴ Ср. прежде всего хорошо известное свидетельство Ювенала: *...legibus antiquis castrorum et more Camilli / seruato, miles ne uallum litiget extra / et procul a signis* (Sat. XVI. 15–17: «...обычай Камилла / Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала / Иль далеко от знамен»; пер. Ф.А. Петровского). Подробнее см. Vendrand-Voyer 1983, 147–171.

культивировали аскетизм в потреблении. Таким образом, в системе материального обеспечения солдат обнаруживается сочетание формально-рациональных, бюрократических и ценностно-рационального подходов.

Labor militaris, являющийся предметом анализа в VI главе, рассматривается прежде всего в контексте «символической экономики», как средство социального контроля за войском, что было особенно важно в условиях мира. Этой цели служило отождествление воинских трудов и доблести³⁵, а также демонстративное соучастие командующего в солдатских *labores*, что придавало римской «трудовой» дисциплине ценностно-рациональный характер. В таком переосмыслении *virtus*, по мысли Фэнг, обнаруживается противоречие: *labor* подчиняет солдат, но в то же время он является источником «доблести», и солдатская *virtus* выступает как подчиненная маскулинность, которую воины могли проявлять, не угрожая существующей социальной иерархии и императорской власти. Более того, *labor* позволял также императору и его полководцам проявлять *virtus*, даже если они не вели агрессивных кампаний и не принимали личного участия в сражениях; строительные работы, осуществляемые войсками на войне и в мирное время, поддерживали в солдатах *vires*, а тем самым и *virtus*; и служили они не только стратегическим или тактическим целям, но также демонстрировали римское превосходство над варварами, не владевшими соответствующими «технологиями».

Аналогичным образом в заключительной главе с характерным названием «Разрушительные пиршества: Дисциплина и отсутствие излишеств» (*Feasts of mass destruction: Disciplina and austerity*) трактуются те лишения и ограничения, которые касались солдатского рациона. Фэнг стремится объяснить, почему тема строгих ограничений в солдатском рационе была столь популярна у аристократических авторов, а пиры, имевшие место, в военной жизни, замалчивались. По мнению автора, дело в том, что, с точки зрения идеологии дисциплины, солдаты рассматривались как люди, не способные контролировать свое потребление, а роскошь означала крушение воинского габитуса, поэтому армия трактовалась как зона воздержания, суровой простоты. Соответствующим образом восхвалялась архаически простая диета, основанная на потреблении злаков и простых методах приготовления пищи. Примечательны в этом плане два момента: во-первых, сохранение традиции выдачи пайка в виде зерна, которое требовалось ежедневно молоть, тратя на это немалое время; во-вторых, отсутствие в частях римской армии централизованного приготовления пищи: каждое малое подразделение (обычно контуберния из восьми человек) само решало этот вопрос. Эти моменты ассоциировались с архаическими римскими обычаями питания. Конечно, на практике солдаты стремились к большему разнообразию пищи, но, как указывает Фэнг, сохранение традиционной организации питания обуславливалось не столько рациональными соображениями, сколько идеологическими установками. В отличие от греческой практики, соответствующая строгость римской военной жизни скорее была иерархической, нежели демократической; она не только преследовала прагматические цели, но была культурным феноменом и обеспечивала социальный контроль и внутреннюю сплоченность подразделений, усиливая воинский *habitus*.

Таким образом, общий вывод, к которому приходит Фэнг, заключается в том, что *disciplina militaris* представляла собой легитимирующую идеологию в веберовском смысле, которая способствовала частичной рутинизации «харизматического» характера военного дела периода Поздней республики, хотя так и не превратилась

³⁵ Об этом отождествлении ср. Махлаюк 2009.

в рациональную дисциплину, соответствующую идеальному типу Вебера. Легитимация же императорской армии как государственного института обеспечивалась не столько за счет политической лояльности, императорского культа и прочих религиозных практик, сколько экономическими средствами. Дисциплина позволяла осуществлять контроль за распределением и потреблением материальных благ, за производительным и непроизводительным трудом солдат, а вместе с тем вырабатывала определенный воинский *habitus*, который был продуктом римской истории и «политической мифологии», находившей выражение в анекдотах, рассказах об *exempla*, в военных и юридических трактатах. При этом главная цель дисциплины состояла в том, чтобы производить и поддерживать *virtus*, которая, ассоциируясь с *labor* и *modestia*, служила для достижения эффективности военной машины и стабильности императорской власти.

Книга Фэнг, несомненно, является интересным опытом приложения заимствованных из социальных наук теоретических концепций к историческому материалу. Не всегда бесспорная во всех частных суждениях, она тем не менее дает очень полезную и разностороннюю характеристику социальных и идеологических параметров римской военной организации и в целом подтверждает продуктивность использования соответствующих категорий и конструктов, способных обеспечить многомерность анализа и более глубокое осмысление различных аспектов жизнедеятельности римской армии, которые при традиционном «институциональном» подходе зачастую рассматриваются изолированно друг от друга.

Рассмотренные книги, акцентируя противоречивое сочетание континуитета и новаций в развитии военной сферы античных обществ, позволяют в новом свете увидеть те механизмы этого процесса, которые, в конечном счете, коренятся в культурных традициях и установках, в актуализации прошлого опыта и исторической памяти. Оба труда убеждают в том, что современная военная история, как, наверное, и другие предметные области исторических исследований, может и должна быть не просто историей событий, учреждений и героев, но историей культуры в широком смысле слова. Категории культуры по своей роли в развитии социальных организмов, очевидно, сравнимы с геномным кодом, лежащим в основе биологического воспроизводства и эволюции. Подобно тому как с точки зрения современной биологии невозможно объяснить происхождение и функционирование мира живой природы одними только внешними факторами, воздействием среды, внутри- и межвидовой борьбой, без учета генных механизмов наследования, так и социальная реальность прошлого не может стать более понятной без изучения культурно-исторического «генотипа» древних обществ, воплощавшегося в том, что римляне называли *mores maiorum*, «нравами и обычаями предков», предков, чьи тени незримо, но властно задавали направления и парадигмы исторического бытия.

Литература

Кучма В.В. 2001: Военная организация Византийской империи. СПб.

Махлаюк А.В. 1998: «Между заискиванием и суровостью». О некоторых аспектах римской воинской дисциплины // ВДИ. № 1, 286–300.

Махлаюк А.В. 2003: Военные упражнения, воинская выучка и *virtus* полководца // Из истории античного общества. Вып. 8. Нижний Новгород, 61–74.

Махлаюк А.В. 2003а: Император Юлиан как полководец: риторическая модель и практика военного лидерства // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангель-

ского: XIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Нижний Новгород, 30–35.

Махлаюк А.В. 2005: Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. № 3, 36–57.

Махлаюк А.В. 2005а: Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. Сб. ст. / О.П. Смирнова, А.Л. Смышляев (ред.). М., 83–113.

Махлаюк А.В. 2006: Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.

Махлаюк А.В. 2009: Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики // Из истории античного общества. Вып. 12. Нижний Новгород, 213–238.

Нефёдкин А.К. 2009: Рец.: *Lendon J.E.* 2005 // ВДИ. № 2, 219–221.

Сенявская Е.С. 2002: Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 5–22.

Alston R. 1998: Arms and the man: soldiers, masculinity and power in republican and imperial Rome // When men were men. Masculinity, power and identity in classical antiquity / L. Foxhall, J. Salmon (eds.). L.–N.Y., 205–223.

Alston R. 2002: The Role of the Military in the Roman Revolution // *Aquila legionis*. 3, 7–41.

The anthropology of war 1990: The anthropology of war / Ed. J. Haas. Camb.

Beston P. 2000: Hellenistic Military Leadership // War and Violence in Ancient Greece / H. van Wees (ed.). L., 315–336.

Bishop M.C., Coulston J.C.N. 2006: Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. L.

Black J. 2006: Rev. on: *Lendon J.E.* 2005 // History Today. 56. 2, 65.

Blois L. de 1987: The Roman army and politics in the first century before Christ. Amsterdam.

Blois L. de 2000: Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck (hrsg.). Stuttgart, 11–32.

Blois L. de 2007: Army and General in the Late Roman Republic // The Blackwell companion to the Roman Army / P. Erdkamp (ed.). Oxf., 164–180.

Bloom J. 2005: Rev. on: *Lendon J.E.* 2005 // H-Net Reviews in the Humanities & Social Sciences. December // <http://www.h-net.msu.edu/reviews/showrev.php?id=11047>.

Boren H.C. 1980: Rome: Republican Disintegration, Augustan Re-integration: Focus on the Army // Thought. A Review of Culture and Idea. LV. 216, 51–64.

Brice L.L. 2003: Holding a Wolf by the Ears: Mutiny and Unrest in the Roman Military, 44 B.C.–A.D. 68. PhD. Diss. Chapel Hill.

Calderini A. 1936: *Virtù romana*. Milano.

Carriü J.-M. 1989: Il soldato // *L'uomo romano* / A. Giardina (ed.). Bari, 99–142.

Chrissanthos S.G. 1999: *Seditio*. Mutiny in the Roman Army, 90–40 BC.: PhD Diss. Los Angeles.

Dahlmann H. 1970: *Virtus Romana* // *Idem*. Kleine Schriften. Hildesheim, 9–22 (= *Idem*. Das römische Mannesideal // *Mannestum und Heldenideal* / F. Müller et al. (hrsg.). Marburg, 1942).

Earl D. 1967: The Moral and Political Tradition of Rome. Ithaka.

Eckstein A.M. 1995: Moral Vision in *The Histories* of Polybius. Berkeley–Los Angeles–London.

Eisenhut W. 1973: *Virtus Romana*. Ihre Stellung im römischen Wertsystem. München.

Gilliver K. 2009: Rev. on: *Lendon J.E.* 2005 // CRev. 59, 182–184.

Hanson V.D. 1999: The Status of Ancient Military History: Traditional Work, Recent Research, and On-Going Controversies // The Journal of Military History. 63. 2, 379–413.

Hanson V.D. 2008: The modern historiography of ancient warfare // The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. I. Greece, the Hellenistic world and the rise of Rome / Ph. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.). Camb., 3–21.

Haynes I. 1993: The Romanisation of Religion in the Auxilia of the Roman Imperial Army from Augustus to Septimius Severus // *Britannia*. 24, 141–157.

Haynes I. 1997: Religion in the Roman Army: Unifying aspects and regional trends // *Römische Reichsreligion und Provinzialreligion* / H. Cancik, J. Rüpke (hrsg.). Tübingen, 113–126.

Helgeland J. 1978: Roman Army religion // ANRW. II. 23. 1, 1470–1505.

Herz P. 2002: Sacrifice and sacrificial ceremonies of the Roman army // Sacrifice in Religious Experience / A.I. Baumgarten (ed.). Leiden, 81–100.

- Horsmann G. 1991: Untersuchungen zur militärischen Ausbildung im republikanischen und kaiserzeitlichen Rom. Bopard a. Rhein.
- Irby-Massie G.L. 1996: The Roman Army and the Cult of the *Campestres* // ZPE. 113, 297–300.
- Irby-Massie G.L. 1999: Military Religion in Roman Britain. Leiden.
- Keaveney A. 2007: The Army in the Roman revolution. L.–N.Y.
- Kiesling E.C. 1996: Arming Against Hitler. Lawrence.
- Kulikowski M. 2006: Rev. on: Lendon J.E. 2005 // The Classical Bulletin. 82, 236–237.
- Lendon J.E. 1997: Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxf.
- Lendon J.E. 2004: The Roman Army Now // Classical Journal. 99. 4, 41–49.
- Lendon J.E. 2005: Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven.
- Lendon J.E. 2006: Le ombre dei guerrieri. Strategie e battaglie nell'età antica / Trans. C. Caneva. Turin.
- Lendon J.E. 2006a: Soldados y Fantasma. Historia de las Guerras en Grecia y Roma / Trans. D. Aldea Rossel, I. Calpe. Barcelona.
- Lynn J.A. 2003: Battle: A History of Combat and Culture. From Ancient Greece to Modern America. Boulder.
- McDonnell M. 2003: Roman Men and Greek Virtue // Andreia: Studies in manliness and courage in Classical antiquity / R.M. Rosen, I. Sluiter (eds.). Leiden–Boston, 235–262.
- McDonnell M. 2006: Roman Manliness. *Virtus* and the Roman Republic. Cambr.
- Mauch O. 1941: Der lateinische Begriff disciplina. Diss. Basel.
- Moore R.L. 2002: The Art of Command: The Roman Army General and His Troops, 135 BC–138 AD. PhD Diss. Michigan.
- Moribus antiquis 2000: *Moribus antiquis res stat Romana*. Römische Werte und römische Literatur im 3. und 2. Jh. v. Chr. / M. Braun, A. Haltenhoff, F.-H. Mutschler (hrsg.). München.
- Mos maiorum 2000: *Mos maiorum*. Untersuchungen zu den Formen der Identitätsstiftung und Stabilisierung in der Römischen Republik / B. Linke, M. Stemmler (hrsg.). Stuttgart.
- Neumann A. 1965: *Disciplina militaris* // RE. Supplbd X, 142–178.
- Nisen P. 2007: Rev. on: Lendon J.E. 2005 // Air & Space Power Journal. Summer/<http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/bookrev/Lendon.html>.
- O'Connell R.I. 1991: Sacred Vessels. Boulder.
- Otterbein K.F. 1985: The evolution of war: a cross cultural study. 2nd ed. New Haven.
- Phang S.E. 2001: The Marriage of Roman Soldiers (13 BC–AD 235): Law and Family in the Imperial Army. Leiden.
- Phang S.E. 2008: Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate. Cambr.–N.Y.
- Runciman W.G. 1998: Greek Hoplitae, Warrior Culture, and Indirect Bias // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 4. 4, 731–751.
- Rüpke J. 1990: *Domi militariaeque*: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart.
- Rzepka J. 2006: Rev. on: Lendon J.E. 2005 // Scholia Reviews. 15, 19.
- Sarsila J. 1982: Some aspects of the concept of *virtus* in Roman literature until Livy. Jyväskylä.
- Sarsila J. 2006: Being a man: the Roman *Virtus* as a contribution to moral philosophy. Frankfurt am Main etc.
- Sidebottom S.E. 2006: Rev. on: Lendon J.E. 2005 // Journal of Military History. 70. 1, 208–210.
- Stoll O. 1998: «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär // Klio. 80, 134–162.
- Stoll O. 2001: Zwischen Integration und Abgrenzung. Die Religion des Römischen Heeres im Nahen Osten. Studien zum Verhältnis zwischen Armee und Zivilbevölkerung im römischen Syrien und den Nachbarprovinzen. St. Katharinen.
- Stoll O. 2007: The Religions of the Armies // The Blackwell companion to the Roman army / P. Erdkamp (ed.). Oxf. 451–475.
- Strauss B. 2006: Rev. on: Lendon J.E. 2005 // Bryn Mawr Classical Review. 2006. 02. 14.
- Sulser J. 1923: *Disciplina*. Beiträge zur innern Geschichte des römischen Heeres von Augustus bis Vespasian. Diss. Basel.
- Vendrand-Voyer J. 1983: Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont.
- Warfare 1984: Warfare, culture and environment / R.B. Ferguson (ed.). Orlando.
- Wells C.V. 1999: The Roman Army and Fleet in War and Peace // AJA. 103. 3, 531–534.
- Wheeler E.L. 1991: The General as Hoplite // *Hoplites*. The Classical Greek Battle Experience / V.D. Hanson (ed.). L., 121–171.
- Wheeler E.L. 2006: Rev. on: Lendon J.E. 2005 // AJPh. 127. 2, 305–309.
- Zecchini G. 2001: Cesar e il *mos maiorum*. Stuttgart.

GHOSTS, VIRTUE, AND DISCIPLINE: SOCIO-CULTURAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS OF ANCIENT MILITARY HISTORY IN MODERN SCHOLARSHIP

A.V. Makhlayuk

The article deals with the newest approaches and trends in the study of ancient Greek and Roman military history, which is now increasingly treated from anthropological and socio-cultural points of view. Taking two recent monographs by American scholars (J.E. Lendon's «Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity», 2005, and S.E. Phang's «Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate», 2008) as examples of those modern tendencies, the author points out original ideas and conceptions developed on the pages of the reviewed books, which have much in common in their subjects and methods, especially in what concerns basic values, moral codes, ideological concepts, and the role played by historical memory and traditions in the evolution of ancient military organizations and in the development of specific social status of the military. At the same time, the article criticizes a certain randomness of some conclusions and interpretations offered by Lendon and Phang, in particular Lendon's analysis of the Roman tradition of heroic leadership, his views on the causes and factors of tactical innovations in the late Roman army, and Phang's considerations concerning the interrelations between military discipline and army religious practices. Both reviewed books, being in some respects provoking and far from absolute persuasiveness in their general argumentation and in some details, nevertheless throw a new light on seemingly well-known questions and demonstrate fruitfulness of applying to ancient military history the theories and conceptions worked out in social sciences and in studies of other historical periods. New works on Greek and Roman warfare confirm that this very field of history can and should be not merely a history of events, institutions or heroes, but a part of the history of culture in the broad sense of the word.

© 2010 г.

С.А. Степанцов

ЭКЗЕГЕЗА И ТРАДИЦИЯ В ПРОПОВЕДЯХ АВГУСТИНА

В этой статье мы попытаемся ответить на несколько вопросов, связанных с тем, как и экзегетические проповеди Августина инкорпорируют достижения более ранних толкователей, а также каковы пределы и смысл изучения проповедей Августина с точки зрения источников используемых им экзегетических идей. Комплекс вопросов, который мы рассмотрим здесь, актуален как для устной, так и для письменной экзегезы. Однако в нашем рассмотрении он будет применен только к изучению устных проповедей. Нужно отметить, впрочем, что именно в применении к устным проповедям некоторые из поставленных тут вопросов будут иметь специфические ответы.

ПРОБЛЕМА

Искусству толкования Писания, и в частности искусству толкования Писания в проповеди, как и всякому другому искусству, нужно и можно учиться. Эту мысль Августину приходилось отстаивать в предисловии к своему трактату «О христианском учении», который и является первым законченным и последовательным